

ПОМОЩЬ КНР СТРАНАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© 2018 г. В. Кашин, А. Королев

*КАШИН Василий Борисович, кандидат политических наук,
НИУ ВШЭ, РФ, Москва 119017, ул. Малая Ордынка, 17 (vkashin@hse.ru).*

*КОРОЛЕВ Александр Сергеевич, младший научный сотрудник,
НИУ ВШЭ, РФ, Москва 119017, ул. Малая Ордынка, 17 (askorolev@hse.ru).*

Статья поступила в редакцию 02.08.2017.

Анализируются концептуальные основы китайской помощи внешнему миру, ее основные цели и особенности. Показано, что используемые КНР подходы к ее оказанию принципиально отличаются от западных как на уровне политических деклараций, так и практики. Выделены основные формы и направления китайской помощи странам Центральной Азии, проведена оценка ее эффективности.

Ключевые слова: зарубежная помощь, Китай, страны Центральной Азии, Экономический пояс Шелкового пути.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-78-85

Практика предоставления зарубежной помощи развивалась параллельно со становлением Китая в качестве крупного торгового партнера и инвестора для большинства развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Руководство КНР приступило к реализации политики поддержки инвестиций национальных компаний за рубежом в 1999 г. (стратегия “выхода вовне”), а в 2004 г. произошедший рывок в китайском инвестировании за рубеж привлек внимание СМИ и мирового академического сообщества [1].

Китай выступал в качестве значимого источника помощи для ряда развивающихся стран и в прошлом. КНР и Северному Вьетнаму она оказывалась с начала 1950-х годов, а после 1955 г. — государствам Африканского континента. В 1960-е годы крупным получателем была идеологически близкая Албания. Тогда помощь рассматривалась в первую очередь в контексте военно-политических задач, а также борьбы КПК за лидерство в мировом коммунистическом движении. В настоящее время она стала составной частью механизма внешнеэкономической экспансии, достигшей огромных масштабов. Так, объем накопленных прямых китайских инвестиций за рубежом к началу 2016 г. превысил 1 трлн долл. [2]¹. В ряде случаев в помощи Пекина можно усмотреть признаки военно-политической экспансии. Прежде всего это относится к проектам в Южной Азии, где путем инвестирования в портовые объекты государств

региона (Индия, Шри-Ланка, Мьянма и т.п.) фактически создается сеть логистических центров для обеспечения операций китайского военно-морского флота в Индийском океане [3].

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

История предоставления Китаем зарубежной помощи насчитывает более шести десятилетий. В ней можно выделить два основных периода — до 1978 г. и после начала проведения политики реформ и открытости.

В первый период оказание помощи служило таким целям, как укрепление роли Пекина в мировом коммунистическом движении и выход из международной изоляции. Политика в этой сфере не только не была увязана с задачами экономического развития страны, но и порой вступала с ней в прямое противоречие. Например, значительные объемы финансирования зарубежных государств относятся к периоду Большого Голода 1959–1961 гг., унесшего, только по официальным данным, жизни 15 млн жителей страны [4]. Помощь рассматривалась как один из важнейших инструментов расширения контактов с развивающимися странами, причем некоторые из них, например Ирак и Египет, по уровню своего экономического развития едва ли уступали КНР. В целом ее получателями в то время были 22 государства из 38 имевших дипломатические отношения с Пекином. До 1961 г. на нее было потрачено 4 млрд юаней.

В 1961 г., пытаясь поддержать своего единственного союзника среди социалистических стран Европы — Албанию, Китай закупил в Канаде

¹ Правда, следует учитывать, что в китайской статистике данные об инвестициях и помощи могут пересекаться между собой.

60 тыс. т пшеницы и направил их в эту страну. Ей были также выделены крупные кредиты. Масштабная помощь продолжалась до начала 1970-х годов [5].

В эпоху реформ опыт предоставления зарубежной безвозмездной помощи на основе исключительно политических или идеологических соображений был оценен негативно. С конца 1970-х гг. наблюдалось свертывание объемов помощи. В 1979 г. она достигла своего минимального уровня с начала 1960-х годов и превысила показатель 1973 г. лишь в 2003 г. Вместе с тем по доле помощи в ВВП так и не был достигнут уровень 1974 г. (около 2%) [6].

Постепенное возрождение интереса Пекина к зарубежной помощи как к инструменту внешней политики началось в 1993–1994 гг. на фоне успешного проведения рыночных реформ. В 1993 г. правительство КНР создало Фонд зарубежной помощи, предназначенный для реализации проектов, исполнителями которых должны были стать китайские малые и средние предприятия в сотрудничестве с компаниями стран-получателей. В 1995 г. Экспортно-импортный банк Китая приступил к практике предоставления льготных кредитов развивающимся странам для финансирования проектов развития, предусматривающих подготовку персонала в Китае и выполнение работ китайскими компаниями [7].

Одной из причин, побуждавшей Китай к активизации помощи зарубежным странам, стала развернувшаяся в 1990-е годы борьба за дипломатическую изоляцию Тайваня. В ходе этой борьбы и Пекин, и Тайбэй использовали инструменты “долларовой дипломатии” в борьбе за симпатии развивающихся стран, предлагая конкурирующие между собой проекты экономической помощи.

Всего в период с 1950 по 2012 гг., по оценкам, изложенным в Белой книге “Помощь Китаю зарубежным странам – 2014”, внешнему миру было предоставлено 56 млрд долл. В частности, за период 2010–2012 гг. объем помощи составил 14,5 млрд долл. С 2004 по 2009 гг. ежегодный прирост финансирования в среднем составлял 29%, а в период с 2010 по 2012 гг. – 26% [8].

В КНР не существует нормативно-правовых актов, регулирующих предоставление зарубежной помощи. В то же время, по официальным заявлениям, в основе политики в данной сфере лежат “пять принципов мирного сосуществования”, сформулированные еще в 1953 г. премьером Госсовета Чжоу Эньлаем и касающиеся китайской внешней политики в целом [9, р. 70]. К ним относятся уважение территориальной целостности

и суверенитета друг друга; принцип взаимного ненападения; невмешательство во внутренние дела друг друга; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование.

Позднее стали известны “восемь принципов предоставления зарубежной помощи”:

– Китай всегда основывается на принципах равенства и взаимной выгоды при предоставлении помощи другим странам;

– Китай не увязывает помощь с какими-либо условиями и не требует привилегий;

– Китай помогает облегчить бремя стран-реципиентов;

– Китай стремится помочь реципиентам постепенно достигнуть самодостаточности и независимого развития;

– Китай стремится реализовывать проекты помощи, которые требуют меньших ресурсов, но приносят более быстрый результат;

– Китай предоставляет наиболее качественные материалы и оборудование собственного производства;

– предоставляя техническое содействие, Китай следит за надлежащим обучением персонала страны-реципиента;

– китайские эксперты, работающие в стране-получателе, не имеют права выдвигать какие-либо специальные требования или претендовать на особые условия пребывания [10].

Несмотря на малую реалистичность (например, в части увязки помощи с политическими условиями), данные принципы формально сохраняются в настоящее время и воспроизводятся в официальных публикациях.

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ ПОМОЩИ

Китайская помощь другим странам децентрализована и непрозрачна. Ее предоставление входит в компетенцию 23 ведомств центрального правительства. Соответствующие решения в рамках своей компетенции могут принимать Госсовет, МИД, Министерство торговли, Министерство науки и образования, Министерство финансов. Начиная с 2006 г. Китай имплементировал ряд механизмов координации и сбора информации о проектах помощи. Эти данные, как предполагается, должны поступать в Департамент международной помощи Министерства торговли. Было создано несколько таких межведомственных групп, включая Группу по проблемам долга, Группу по сотрудничеству в сфере проектов помощи, Группу по

гуманитарным операциям и другие [11]. Несмотря на обилие координирующих механизмов и рабочих групп, имеются многочисленные свидетельства конкуренции между ведомствами, занимающимися вопросами оказания помощи.

Китай не входит в Комитет помощи развитию ОЭСР и, соответственно, не предоставляет туда данные относительно объемов оказываемой помощи. Кроме того, он руководствуется собственной методологией и классификацией помощи, которые значительно шире принятой в ОЭСР концепции “официальная помощь развитию” (ОПР). КНР включает в определение зарубежной помощи не только ее традиционные формы, но и коммерческие кредиты своего Эксимбанка и других банковских учреждений, прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Из-за сложной и непрозрачной структуры китайской помощи ее оценка возможна лишь на основе нерегулярно публикуемых данных правительства и расчетных показателей.

Практика предоставления зарубежной помощи характеризуется многообразием форм, видов и направлений. Наибольшая часть (45%) выделяемых Китаем средств приходится на создание экономической инфраструктуры (транспортные магистрали, порты, промышленное производство, добывающая промышленность и т.д.). Далее следует поддержка в создании социальной инфраструктуры (28%) и товарно-материальная помощь (15%) [8].

Показательно, что на содействие развитию промышленного производства в странах-реципиентах приходится лишь 3.6%, а сельского хозяйства – 2% помощи. Подавляющая ее часть – это то, что производят собственно китайские предприятия и что далее передается стране-реципиенту. Зарубежная помощь тем самым создает дополнительную возможность загрузить собственные производственные мощности, избыточность которых становится в последнее время все более заметной.

В основном помощь предоставляется в форме льготных кредитов, грантов и беспроцентных займов. Льготное кредитование стало наиболее распространенной формой. Его доля в общем объеме помощи увеличилась с 28.7% в 1950–2009 гг. до 55.7% в 2010–2012 гг. [8]. Это обусловлено ориентацией Пекина на реализацию масштабных инфраструктурных проектов, нацеленных на развитие стран-реципиентов в нужном для КНР направлении.

Второй по значимости формой помощи можно назвать предоставление грантов, доля которых составляет более 36% от общего объема. Основная их цель – финансирование строительства объектов

социальной инфраструктуры (школ, больниц и т.д.). Доля беспроцентных займов составляет 8% общего объема китайской помощи внешнему миру².

ПОМОЩЬ СТРАНАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Исторически Центральная Азия (ЦА) не входила в число приоритетных направлений китайской помощи. До распада СССР контакты между Китаем и республиками региона были минимальными. Когда центральноазиатские государства стали независимыми, Пекин начал активно развивать двусторонние отношения с ними, в том числе по линии зарубежной помощи.

Ключевыми событиями, способствовавшими увеличению объемов помощи странам региона и в целом укреплению взаимодействия в конце 1990-х – начале 2000-х годов, стало подписание в 1997 г. Соглашения о взаимном сокращении численности войск в районе границы, в рамках которого стороны (Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан) сократили войска в приграничных районах и приняли другие меры по укреплению доверия. Немаловажную роль сыграло урегулирование пограничных споров между КНР и тремя центральноазиатскими государствами – Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном в 1998, 1999 и 2002 г. соответственно. Наконец, в значительной степени повлияло на китайскую политику в регионе создание в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества [13].

Оценить общий объем помощи Китая Центральной Азии, а также каждой отдельной стране региона не представляется возможным. Официальная статистика КНР таких данных не предоставляет, значительная часть информации об объеме и характере помощи имеет закрытый характер. Те цифры, которые можно найти в открытых источниках, фрагментарны и представляют собой не более чем экспертные оценки. Например, согласно американской *RAND Corporation*, с 2001 по 2011 гг. ЦА получила наименьший объем помощи по сравнению с другими регионами. На нее приходилось от 2 до 5% всей китайской зарубежной помощи,

² При анализе политики в сфере предоставления помощи важно учитывать низкую надежность китайской статистики, касающейся зарубежных инвестиций. Около 80% китайских прямых инвестиций за рубеж в 2015 г. пришлось на пять офшорных юрисдикций (Гонконг, Нидерланды, Британские Каймановы, Бермудские и Виргинские острова), что делает определение их конечного предназначения проблематичным [12]. С учетом нечетких границ между помощью и инвестициями в китайском понимании, это затрудняет и точную оценку масштабов помощи.

выделяемой на развитие энергетики и инфраструктуры [14]. Для сравнения, по официальным данным за 2014 г. в страны Африки поступило 52% зарубежной помощи КНР [8]. Тем не менее в последние годы наблюдается увеличение объема помощи странам Центральной Азии, что отражает повышение значимости региона во внешней политике Пекина.

Следует выделить несколько обстоятельств экономического и политического характера, определяющих увеличение китайской помощи государствам ЦА. Нарастание ее объемов прежде всего связано с необходимостью обеспечения безопасности по периметру границ Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) в виду террористической угрозы. Китай заинтересован в устранении любой возможной поддержки уйгурского национализма. В этом отношении экономическое процветание Синьцзяна рассматривается руководством Поднебесной как важнейший элемент предотвращения дестабилизации региона и, как следствие, сохранения территориальной целостности страны.

Не менее значимым стимулом поддерживать центральноазиатские государства выступает необходимость обеспечения региональной безопасности и сохранения стабильной политической ситуации в странах региона, так как их близость к границам Китая может стать причиной возникновения проблем в самой КНР.

Рост интереса к центральноазиатскому региону продиктован необходимостью поиска дополнительных источников роста для китайской экономики. С 2000-х годов Пекин проводит политику “Развития Западного Китая”, направленную на устранение диспропорций в социально-экономическом развитии восточных прибрежных провинций и отсталых западных регионов.

Предоставляя зарубежную помощь странам ЦА, Китай облегчает себе доступ к их минеральным ресурсам, что особенно важно на фоне растущего внутреннего спроса на сырьевые товары. Так, только за последний год спрос на природный газ вырос на 12.5% (до 209 млрд куб. м) [15]. Его импорт достигает 35% от уровня собственной добычи и, по прогнозам, к 2025 г. увеличится до 55% [16]. Укрепляя энергетическое сотрудничество со странами ЦА, Пекин стремится снизить зависимость от поставок энергоресурсов с Ближнего Востока и Африки, на которые в настоящее время приходится около 90% их импорта [17].

Роль стран ЦА во внешней политике КНР продолжает возрастать, поскольку они задействованы в реализации Экономического пояса Шелкового

пути (ЭПШП). Создавая новые объекты инфраструктуры в ЦА, Пекин получает возможность использовать аутсорсинг рабочей силы, товаров, материалов и технологий, решая проблему занятости у себя дома, что в условиях удорожания рабочей силы на внутреннем рынке приобретает стратегическое значение [18].

Важно отметить, что рост интереса Китая к региону сопровождается относительным снижением такового со стороны Запада. Традиционно сильно влияние в регионе у России, однако в условиях резкого обострения ее отношений с Западом и ухудшения внутриэкономической конъюнктуры — даже с учетом запуска ЕАЭС — у нее объективно меньше ресурсов для инвестирования в страны региона. Там небезосновательно считают, что у КНР по части инвестиций и оказания помощи возможностей значительно больше.

В целом отношения между Центральной Азией и Пекином часто описываются как “теплая политика, холодная общественность” [19]. С одной стороны, политические элиты центральноазиатских республик по большей части приветствуют китайские инвестиции и пакеты зарубежной помощи. С другой стороны, массивная экономическая экспансия, даже выгодная странам-реципиентам, не уменьшает там синофобские настроения. Ярким примером служит террористическая атака в Бишкеке рядом с китайским посольством в 2016 г. [20]. В ЦА существует мнение, что Китай колонизирует регион в экономическом, а затем и в политическом плане, и в процессе этой колонизации будет выкачивать из него ресурсы и одновременно превращать его в “сточную яму” для грязных производств [21].

Приоритет в помощи КНР странам ЦА отдается транспорту и энергетике. Большинство проектов получает финансирование в виде связанных кредитов на льготных условиях крупнейших банков КНР (Эксимбанк, Народный банк Китая, Государственный банк развития КНР). Практика их предоставления под низкий процент — 1.5–3% и на срок до 20 лет резко активизировалась с середины 2000-х годов. К 2016 г. Китай предоставил льготных кредитов странам ЦА на 30 млрд долл., большая часть из которых (13.5 и 12.4 млрд долл.) пришлось на Казахстан и Туркменистан соответственно [22].

В частности, Китай построил трубопровод Ата-су—Алашанькоу, соединяющий нефтяные месторождения в центральном Казахстане с нефтеперерабатывающими заводами в Синьцзяне, проложил железнодорожный туннель, связывающий Ферганскую долину с остальной частью Узбекистана. Еще

одним примером масштабного инфраструктурного проекта служит освоение при китайской поддержке нефтяных месторождений в Актюбинской, Мангистауской, Атырауской, Кызылординской и Карагандинской областях Казахстана [23].

Главное условие предоставления льготных кредитов — использование китайских материалов, оборудования, технологий либо рабочей силы при реализации проектов. Еще одним условием стала увязка национальных программ социально-экономического развития стран-реципиентов с внешнеполитической стратегией Китая. Ярким примером служит сопряжение казахской программы инфраструктурного развития “Нурлы Жол” с инициативой ЭПШП. В схожем ключе руководство Таджикистана реализует национальную стратегию развития республики на период до 2030 г. [24]. Подобная практика позволяет максимально задействовать китайские производственные мощности за рубежом, что приводит к постепенному расширению экономического присутствия Китая в стратегически важных для центральноазиатских стран отраслях.

Финансовые вложения, обещанные КНР странам региона в рамках реализации ЭПШП, как и уже сделанные вливания в содействие инфраструктурному строительству, полностью соответствуют интересами Поднебесной в регионе и концепции ЭПШП. Они затрагивают и другие отрасли, прежде всего сельское хозяйство. В ходе десятидневного турне по странам Центральной Азии в 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин подписал соглашения о предоставлении инвестиций и льготных кредитов странам региона в размере 58 млрд долл. Их наибольшая часть (30 млрд долл.) обещана Казахстану, далее следуют Узбекистан (15 млрд.), Туркменистан (10 млрд и Кыргызстан (3 млрд долл.) [25]. Правда, большая часть этих сумм зафиксирована лишь в меморандумах о намерениях, степень реализации которых может быть невысока.

Вторая по значимости форма помощи — предоставление грантов для создания объектов социальной инфраструктуры (больниц, школ), развитие сельского хозяйства, проведение различных форумов. В общей сложности к 2016 г. объем грантовой помощи Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану и Узбекистану превысил 10 млрд юаней [26]. В 2007 г. Пекин выделил 50 млн юаней (7.4 млн долл.) на поддержку проведения саммита ШОС в Бишкеке [13]. Активно предоставляются гранты на развитие человеческих ресурсов (образование и гуманитарное сотрудничество), что не считается традиционной сферой китайской зарубежной помощи, а также выделяются стипендии на обучение студентов из стран региона, причем

здесь задействованы не только правительства и отдельные университеты, но и международные организации (ШОС, Азиатский фонд развития).

После объявления инициативы ЭПШП Пекин пообещал, что в течение 10 лет предоставит 30 тыс. правительственных стипендий, учрежденных Министерством образования для граждан стран — участниц ШОС, а также пригласит на обучение 10 тыс. преподавателей и студентов из Институтов Конфуция [27]. Помимо стипендий ШОС КНР ежегодно предоставляет 10 тыс. правительственных стипендий студентам из стран, расположенных вдоль ЭПШП.

Широкое распространение в центральноазиатских странах получило изучение китайского языка. Согласно местной прессе, ссылающейся на “Канцелярию государственной руководящей группы по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань)”, в 2013 г. в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане действовали 10 Институтов Конфуция и открыты 12 Классов Конфуция, общее число студентов составляло в них около 23 тыс. [28]. Заметным событием стало проведение в Бишкеке в 2017 г. первого Международного форума Институтов Конфуция Центральной Азии и Южного Кавказа. В нем приняли участие представители Государственного совета по распространению китайского языка за рубежом, представители дипломатических миссий, а также более 80 зарубежных руководителей вузов стран Центральной Азии и Южного Кавказа [29].

Пока взаимодействие Китая с государствами ЦА характеризуется довольно скромными объемами военно-технической помощи по сравнению с другими направлениями. Однако растущая угроза радикализации и исламизации региона создает предпосылки для ее расширения. В частности, в 2014 г. Кыргызстану было предоставлено 6.5 млн долл. на модернизацию вооружений и строительство жилья для киргизских военных [30]. В 2015 г. было объявлено, что Пекин на безвозмездной основе передаст вооруженным силам Казахстана 30 тягачей “Цзефан” и 30 большегрузных прицепов на общую сумму 20 млн юаней. В 2016 г. по государственному телевидению Туркменистана сообщили, что китайские системы противовоздушной обороны стали частью растущего арсенала вооружений этого государства. Наконец, в октябре того же года были проведены совместные учения с Таджикистаном вдоль его восточной границы с Афганистаном [31].

КНР предоставляет техническую помощь таможенным службам стран Центральной Азии, содействуя ускорению прохождения грузов через их

территорию. Это предполагает не только поставку нового оборудования и технического оснащения пропускных пунктов, но и обучение персонала. В 2016 г. КНР официально выразила намерение в рамках инициативы “Шелкового пути” оказать техническую помощь таможенным службам государств ЦА [32].

* * *

Эффективность китайской помощи центральноазиатским республикам в целом можно оценить положительно. Помимо прямого эффекта, связанного с созданием новых рабочих мест в странах-реципиентах, повышения уровня квалификации их рабочей силы, улучшения социально-экономических условий, можно отметить и рост взаимного товарооборота, дополнительную загрузку китайских строительных предприятий, а также практическое наполнение инициативы ЭПШП.

Однако имеется и ряд вызовов, с которыми Пекину придется столкнуться в обозримом будущем. Прежде всего это риски, связанные с ростом антикитайских настроений среди населения и политических элит стран ЦА, опасующихся усиления односторонней зависимости от Поднебесной, а также превращения в ее сырьевой придаток. В долгосрочной перспективе это ставит под вопрос способность государств ЦА проводить независимую внешнеэкономическую и внешнеполитическую деятельность, приведет к снижению возможностей модернизировать свои экономики. Во избежание подобного сценария страны региона будут стремиться диверсифицировать торгово-экономические связи.

Ряд рисков связан с особенностями политических режимов в государствах ЦА. Для продвижения своих интересов китайские бизнесмены часто используют неформальные контакты и оказываются в центре коррупционных скандалов. Яркий пример – строительство дороги “Балыкчи–Корумду” в Кыргызстане. Тогдашний глава Минтранса республики при выдвижении против него обвинений в нарушениях проведения процедур госзакупок и недостаточном контроле процесса строительства дороги заявил, что в нарушениях виновны его заместитель У. Уезбаев и некоторые приближенные к премьеру Сариеву лица, пролоббировавшие интересы китайской компании “Лонг Хай” [33].

Большие надежды на повышение эффективности помощи Пекина ЦА и на преодоление среди элит и населения стран региона опасений, связанных с китайской экспансией, возлагаются на реализацию инициативы ЭПШП. Предполагается, что она будет создавать не только материальную, но и идеологическую основу для взаимодействия КНР с республиками Центральной Азии. Действительно, концептуальное оформление “Одного пояса, одного пути” сформулировано в очень привлекательном ключе для большинства партнеров Китая. Пекин делает акцент на совместное развитие, добрососедство и взаимную выгоду, что особенно импонирует развивающимся странам.

Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 17-18-01577 “Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. 更好地实施“走出去”战略 [To Better Implement the “Going Out” Strategy (In Chin.)] Available at: http://www.gov.cn/node_11140/2006-03/15/content_227686.htm (accessed 12.07.2017).
2. 我国对外投资流量跃居全球第二 [China’s Foreign Investment Flows Ranked Second in the World (In Chin.)] Available at: http://www.gov.cn/xinwen/2016-09/23/content_5111009.htm (accessed 12.08.2017).
3. *Mains 2016 Current Affairs General Studies 2. India-China Relations*. Available at: <https://neoias.com/images/pdf/mains-2016/gs-2/7.%20INDIA-CHINA%20RELATIONS.pdf> (accessed 12.08.2017).
4. Xuejun W. *The Determinant (s) of China’s Foreign Aids During the “Great Famine”*. Tokyo, Graduate School of Public Policy, University of Tokyo, 2009. 16 p.
5. Lalaj A., Ostermann C.F., Gage, R. Albania is Not Cuba: Sino-Albanian Summits and the Sino-Soviet Split. *Cold War International History Project Bulletin*, vol. 16, pp. 187-189. Available at: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/CWHPBulletin16_p3_1.pdf (accessed 02.07.2017).
6. Xiaoyun L. *China’s Foreign Aid and Aid to Africa: Overview*. Beijing, College of Humanities and Development, China Agricultural University, 2006. 10 p.
7. *China’s Foreign Aid*. Available at: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284620.htm (accessed 16.06.2017).

8. *China 2nd White Paper on Foreign Aid 2014*. Available at: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986592.htm (accessed 18.11.2016).
9. *United Nations. Treaty Series. India and People's Republic of China: Agreement (with Exchange of Notes) on Trade and Intercourse between Tibet Region of China and India*. Available at: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20299/v299.pdf> (accessed 07.12.2016).
10. *The Chinese Government's Eight Principles for Economic Aid and Technical Assistance to Other Countries*. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121560.pdf?v=7842ff83b1fa6e84a7b0e483012dfe15> (accessed 20.04.2017).
11. Xue L. *China's Foreign Aid Policy and Architecture*. Beijing, School of Public Policy and Management, Tsinghua University, 2014. 60 p.
12. *中国对外投资合作发展报告*. [Report on Development of China's Outward Investment and Economic Cooperation (In Chin.)] Available at: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/upload/zgdwtzhzfbg2016.pdf> (accessed 10.06.2017).
13. Kassenova N. China as an Emerging Donor in Tajikistan and Kyrgyzstan. *Russie. Nei. Visions*, 2009, vol. 36, pp. 11-13.
14. Wolf Jr. C., Wang X., Warner E. *China's Foreign Aid and Government-Sponsored Investment Activities: Scale, Content, Destinations, and Implications*. Santa Monica. Rand National Defense Research Institute, 2013. 93 p.
15. *Спрос на газ в мире вырос на 2.1% в 2016 году*. [World Gas Demand Grew by 2.1% in 2016 (In Russ.)] Available at: <https://glavportal.com/materials/spros-na-gaz-v-mire-vyros-v-2016-godu-na-21/> (accessed 18.05.2017).
16. *China's Rising Natural Gas Demand, Pipelines, and LNG*. Available at: <https://www.forbes.com/sites/judeclemente/2016/04/24/chinas-rising-natural-gas-demand-pipelines-and-lng/#4046ef825d00> (accessed 23.06.2017).
17. Chen J., Wang N., Tang H., Li J., Xiong B. Impact of Sustained Low Oil Prices on China's Oil & Gas Industry System and Coping Strategies. *Natural Gas Industry Beijing*, 2016, vol. 3, no. 3, pp. 181–186. DOI:10.1016/j.ngib.2016.05.001
18. Mariani B. *China's Role and Interests in Central Asia*. London, Saferworld, 2013. 21 p.
19. Kerr D. Central Asian and Russian Perspectives on China's Strategic Emergence. *International Affairs*, 2010, vol. 86, no. 1, pp. 127-152. DOI:10.1111/j.1468-2346.2010.00872.x
20. *У посольства Китая в Бишкеке произошел мощный взрыв*. [Powerful Blast Occurred Near the Chinese Embassy in Bishkek (In Russ.)] Available at: <https://lenta.ru/news/2016/08/30/bishkek/> (accessed 19.07.2017).
21. Peyrouse S. Discussing China: Sinophilia and Sinophobia in Central Asia. *Journal of Eurasian Studies*, 2016, vol. 7, no. 1, pp. 14-23. DOI:10.1016/j.euras.2015.10.003
22. Попов Д.С. *Центральная Азия в китайской концепции экономического пояса Шелкового пути и стратегические интересы России*. [Popov D.S. *Tsentrāl'naya Aziya v kitaiskoi koncepcii ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti i strategicheskie interesy Rossii* [Central Asia in the Chinese Concept of Silk Road Economic Belt and Russia's Strategic Interests]] Available at: <https://riss.ru/analytics/30016/> (accessed 29.07.2017).
23. Adylov A. *The Big Friendly Giant? China's Development Assistance to Central Asia*. Budapest, Central European University, Department of International Relations, 2016. 61 p.
24. Воробьев А. *Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком России*. [Vorob'ev A. *Kitai i Tsentrāl'naya Aziya: rastushchaya druzhba pod bokom Rossii*. [China and Central Asia: Growing Friendship Nearby Russia]] Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii-/> (accessed 09.07.2017).
25. Сыроежкин К.Л. Проект “Экономический пояс Шелкового пути” в сложном пространстве Центральной Азии. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2016, № 6(50), сс. 104-122. [Syroezhkin K.L. *Proekt “Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti” v slozhnom prostranstve Tsentrāl'noi Azii* [Silk Road Economic Belt Project in the Complex Space of Central Asia]. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2016, no. 6 (50), pp. 104-122. DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-6-104-122]
26. Bossuyt F. *The EU's and China's Development Assistance towards Central Asia: Low versus Contested Impact*. Ghent, Ghent University, Department of Political Science, 2016. 23 p.
27. *China Bolsters SCO Education Cooperation*. Available at: <http://en.people.cn/90785/8394344.html> (accessed 19.07.2017).
28. Плотников Д. “Мягкая сила” Китая в Центральной Азии. [Plotnikov D. “*Myagkaya sila*” Kitaya v Tsentrāl'noi Azii [China's “Soft Power” in Central Asia]] Available at: http://www.region.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=1756:1-r-&catid=4:politika&Itemid=5 (accessed 09.07.2017).
29. Гайнанов-Кабар Р. *В Бишкеке проходит первый Международный форум Институтов Конфуция Центральной Азии и Южного Кавказа*. [Gainanov-Kabar R. *V Bishkeke prohodit pervyi Mezhdunarodnyi forum Institutov Konfutsiya Tsentrāl'noi Azii i Yuzhnogo Kavkaza* [Bishkek Hosts First International Forum of Confucius Institutes in Central Asia and South Caucasus]] Available at: <http://old.kabar.kg/society/full/107577> (accessed 10.07.2017).

30. *Influence of Chinese Military in Central Asia*. Available at: <http://www.newdelhitimes.com/influence-of-chinese-military-in-central-asia123/> (accessed 12.08.2017).
31. Панныер Б. *Новый интерес Китая в Центральной Азии*. [Pannier B. *Novyi interes Kitaya v Tsentral'noi Azii* [China's New Interest in Central Asia]] Available at: <https://rus.azattyq.org/a/noviy-interes-kitaya-v-centralnoi-azii/28401515.html> (accessed 24.06.2017).
32. *Китай окажет техническую помощь таможенным службам стран ЦА*. [China will Render Technical Assistance to the Customs Services of Central Asian Countries (In Russ.)] Available at: <http://www.tianxia.link/ru/article/5630-kitai-okazhiet-tiekhnichieskuiu-pomoshch-tamozhiennym-> (accessed 01.07.2017).
33. Токтоназарова Н. *Разгорается новый скандал вокруг дороги Балыкчи-Корумду*. [Toktonazarova N. *Razgoraetsya novyi skandal vokrug dorogi Balykchi-Korumdu* [New Scandal Rages around the Balykchy-Corumdu Road]] Available at: <https://rus.azattyq.org/a/28062298.html> (accessed 01.08.2017).

CHINA'S FOREIGN AID TO CENTRAL ASIA STATES

(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 3, pp. 78-85)

Received 02.08.2017.

*Vasilii B. KASHIN (vkashin@hse.ru),
National Research University Higher School of Economics (NRU HSE), 17, Malaya Ordynka Str., Moscow,
119017, Russian Federation.*

*Alexander S. KOROLEV (askorolev@hse.ru),
National Research University Higher School of Economics (NRU HSE), 17, Malaya Ordynka Str., Moscow,
119017, Russian Federation.*

Acknowledgements. The article was supported by a grant of the Russian Science Foundation (project no. 17-18-01577 "The formation of Greater Eurasia Community and strategy of Russia's bilateral interaction with the countries of the region").

The article deals with the conceptual framework of Chinese foreign aid, main goals and directions, mechanisms of its implementation and its efficiency evaluation by the example of Central Asian states. It has to be mentioned that Chinese approaches towards foreign aid used since the PRC was founded fundamentally differ from Western practices. China traditionally emphasizes its own status as a developing country and claims to be a proponent of the developing countries' interests. Moreover, Beijing tends to highlight that unlike Western countries, it does not use aid as an excuse for intervention in the internal affairs of foreign states. Central Asia plays an important role in Chinese aid policy mainly due to geographical proximity, Beijing's desire to maintain regional security, find additional sources of growth for the Chinese economy and get an access to mineral resources, which is especially important against the background of China's growing domestic demand for commodities and participation of Central Asian states in Beijing's trade and economic initiatives. Evaluating the efficiency of Chinese foreign aid programs, it should be noted that Beijing has managed to turn aid into an effective instrument of implementing its foreign policy interests, primarily, by creating pro-Chinese political and economic clientele hugely dependent on various forms of foreign aid. At the same time, an increase in the dependence of recipient countries on Chinese investments and economic assistance leads to a surge in anti-China sentiments in a number of regional countries which are apprehensive about the possibility to become a raw material appendage of Beijing.

Keywords: foreign aid, China, Central Asia, Silk Road Economic Belt.

About authors:

Vasilii B. KASHIN, Cand. Sci. (Political Sci.), Leading Researcher.

Alexander S. KOROLEV, Junior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-78-85